

*Кто он, безвестный?
На меже заглохшего поля
Собирает фиалки.
Как сильно, должно быть, печаль
Сердце его омрачила.*

Сайгё, «Фиалки»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ночном Машкинском лесу горели костры и светили фонари. Гортанно орали взрослые мужики, ожесточенно жестикулируя. Плакали напуганные дети. Визжали женщины, сжимая плакаты «Отстоим Машкинский лес», «Лес — для белок, а не для попов», или наоборот: «Да встанет в лесу Храм», «Лес — для православных, а не для леших». Здесь же успела расположить мобильный пункт питания «Крошка Картошка», и это было воспринято как само собой разумеющееся всеми присутствующими.

Деловито покрикивали десятники, хрустя кулаками, — со стороны неотличимые друг от друга, с короткими стрижками

и в одинаковой униформе. Наконец из мегафона раздался металлический глас: ну, поехали!

Десятники ловко выстроили людей в цепи друг напротив друга, со смехом оттащили в сторону бабу в шапочке из фольги и устали в ночь, ожидая новой команды.

Александр Калачев огляделся и привстал на цыпочки, чтобы заглянуть за широкую камуфляжную спину с надписью «ОМОН». Неровная линия таких спин отделяла организаторов митинга и журналистов от ужасов, скрывавшихся в ранних сумерках. Даже в тусклом свете фонарей трудно было не заметить угрюмую решимость на лицах, объединявшую противоборствующие стороны.

Отступать было некуда — за спинами военных высились пирамиды палаток, а их окружали родные осинки. Поэтому поборникам экологии оставалось только крепить оборону.

Калачев осторожно извлек из кармана смартфон — основное оружие современного журналиста, и, стараясь привлечь поменьше внимания, принялся вести скрытую съемку. Смешно, по-крабьи передвигаясь боком и для конспирации невпопад выкрикивая лозунги, он приблизился к ставке организаторов митинга. Одна

из вдохновителей машинской бучи, сразу напомнившая Калачеву старосту Галю Цумберг из их группы на журфаке, вопила в мегафон так, что пломбы во рту гудели в резонанс. Репортер подошел вплотную и заметил наконец объект своей охоты — окололиберального депутата, который кого-то перекрикивал в телефон, заканчивая каждое предложение недостойным народного избранника словом. И в этот момент все внезапно стихло, а над толпой пролетело дружное «Ооооох!..» неясной эмоциональной окраски.

Калачев мгновенно забыл про депутата и, сунувшись между омоновцами, успел заснять финал немой сцены: темно-зеленая бутылка, очевидно, из-под портвейна, вращаясь в ночном воздухе, ухнула посреди хоругвей борцов за храм. По траектории понять, что снаряд был пущен из стана защитников леса, не составляло труда. Девчонка с мегафоном закричала на ноте, близкой по высоте к ультразвуку: «Провокация!!!» Но ее голос потонул в крике сторонников храма, ринувшихся в атаку. Любители белок, давно уже засидевшиеся в сырых палатках, встретили их неожиданным контрастованием. Силы сшиблись

посреди прогалины, ведущей к жилищному массиву.

В потемках мелькали казачьи папахи и вязаные шапочки футбольных хулиганов. Несмотря на усилия организаторов с той и другой стороны, драка разбилась на отдельные очаги. В наступившей неразберихе усатый господин с портретом дореволюционного реформатора Столыпина врезал не менее усатому господину с портретом Сталина, что вызвало локальное побоище между монархистами и коммунистами. Ситуацию также осложняло то, что футбольные хулиганы азартно выступали в драке на обеих сторонах и молотили без разбора всех подряд.

В красных сполохах костров битва в Машкинском лесу выглядела как знаменитый триптих Босха, только чертей от грешников отличить было непросто: слишком часто они менялись ролями. В довершение inferнального сходства небо над полем битвы наполнилось разноцветными вспышками праздничных фейерверков, запущенных под шумок мальчишками, сбежавшимися со всей округи.

Тем временем на поле боя появилась новая сила — со стороны дороги из темноты

стали появляться черные фигуры в скафандрах. Они деловито выхватывали из толпы активистов и утаскивали за стену щитов. Толпа дрогнула и побежала, но не к автозам, а наверх, на взгорок, занятый штабом лесозащитников. Десятники, оборавшись до хрипоты, пытались развернуть своих подопечных, но оказались втянуты в общую кутерьму. Помост перевернули, мегафон хрюкнул и затих, а сторонники ЗОЖ, получив в подкрепление гвардию из обороны штаба, состоящую из крепких парней в бейсболках с белочкой, воспряли духом и начали контрнаступление.

Калачеву пришла в голову мысль, что, если бы организаторам доверили командование настоящим войском, засадный полк на Куликовом несомненно потерялся бы, не найдя хана Мамай среди степи.

Внезапно его привлек знакомый голос, истерично выкрикивающий статьи конституции. В паре метров от него четверка полицейских утягивала в небытие околoliberalного депутата. «Космонавтам» противостояли атлетичные волонтеры в футболках с белочкой, крепко удерживающие

своего лидера за ноги. Депутат был растяннут в воздухе, как святой Андрей, но при этом проповедовал равнодушным омоновцам про свои права и их обязанности. Однако карательная система победила, раздался треск рвущейся ткани, и добротные американские джинсы вместе с волонтерами полетели в одну сторону, а политик с четверкой «космонавтов» — к ближайшему автозаку.

Калачев недрогнувшей рукой отснял, как объемистые голые чресла политика скрылись в недрах автобуса. Да, это была профессиональная победа.

Вдруг неожиданный и необычайно сильный удар в ухо заставил Калачева упасть на колени. Родная земля была очень холодна, поэтому он приподнялся на корточки, наводя порядок в своей гудящей голове, и взглянул снизу вверх на ударившего. Перед ним стоял парень, облаченный в футболку с белочкой, которая плохо рифмовалась с татуировкой SXE под нижней губой и коротким ирокезом (впрочем, на модном языке его уже называли мохауком).

— Ты чего тут за кино снимаешь, фашист? — спросил панк, прицеливаясь берцем в телефон.

Только что поверженному на жухлые листья Калачеву страх придал рефлекс кошки. Он одним броском выхватил гаджет, вскочил и, выставив вперед ладони, затараторил:

— Эй-эй-эй! Ты чего, я же свой! Я же из штаба! Стой, говорю! Sxe, ЗОЖ, мир цветной, а не кори...

Репортера спас от яростной атаки дедок с ядовито-неоновой надписью на футболке «Жыды, верните Россию!», огревший «ирокеза» костылем по бритому затылку.

Калачев приготовился произнести пред стариком-антисемитом слова благодарности, но тот с криком «Засохни, гнида!» снова взмахнул костылем и выбил сноп искр из левого глаза журналиста.

Калачев недолго мучился моральным выбором и со всей силы пнул злобного старикашку прямо в центр неоновой надписи на груди, оставив на нем грязный отпечаток кроссовки. После чего ломанулся к дороге напрямик, через тьму, через сырые колючие кусты. У него за спиной полицейские волочили по земле последних сопротивляющихся, визжали сирены скорой помощи, мероприятие потихоньку подходило к концу.

Уже в такси с замирающим сердцем он спешно выложил свою видеобомбу на развлекательный портал «Хайп». За двадцать минут до дома по Московской кольцевой дороге Александр Калачев стал известным журналистом.

Когда он ковырял ключом в замочной скважине, пришло СМС: «Алекс, это Ирина Струц, Первый канал. Хотим ваше видео с голым депутатом для программы “Время” без ватермарка “Нью Плэнет”. Звоните, обсудим».

«Голозадый протест» уверенно пошел в массы. Тысячи просмотров, десятки репостов от крупнейших интернет-изданий и предложения о сотрудничестве сразу от двух центральных каналов. Гораздо больше, чем можно было ожидать от какого-то леса на окраине! Калачев удовлетворенно улыбнулся, подошел к окну и открыл его, впуская в комнату сырой ночной воздух первопрестольной. Вместе с воздухом в комнату проник характерный столичный гул, словно город на самом деле был космической станцией, и вот-вот она оторвется от земли и поднимется в черное звездное небо.

А на командирском мостике будет стоять он, Калачев, в белом адмиральском мундире и с подзорной трубой в руке.

Впрочем, зачем в космосе подзорная труба?

С бокалом бренди.

Подобные мечтания незаметно привели журналиста к буфету, откуда он достал бутылку рижского бальзама. Налил себе рюмку и, поморщившись, выпил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— И звук такой — бабах! У меня так над ухом — вжух! Ветром всего обдало! А потом смотрю — в щите у полицейского вот такая дыра! — Александр двумя пальцами поднял вверх пончик, густо обсыпанный сахарной пудрой, и посмотрел на свою собеседницу через дырку, но, заметив недоверие на ее лице, поспешил добавить: — Ну, почти такая.

Татьяна осторожно поставила кофейную чашку на блюдце и, наконец не выдержав, откинулась на спинку стула и звонко расхохоталась. Она картинно махнула рукой на своего собеседника и, все еще не отсмеявшись, заметила:

— Саша! Ну ты, конечно... Тебе бы фантастические книжки для тинейджеров писать.